
УДК 82.09. 908
ББК 83.0

Святославский Алексей Владимирович,
доктор культурологии
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург)
Email: platoacademia@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

**Первая мировая война
в жизни и творчестве М. М. Пришвина¹**

В истории обращения М. М. Пришвина к Первой мировой просматриваются несколько периодов, запечатленных в дневнике и публикациях: реакция писателя на сам факт начала войны с последующим размышлением о ее перспективах и последствиях для России; дневниковые записи фронтового периода; опубликованные впоследствии очерки, в т.ч. собранные в изданиях 1920-х гг. в циклы военной тематики; осмысление в дневнике военных событий после возвращения с фронта, включая период начавшейся революции; обращение к теме Первой мировой уже непосредственно накануне Великой Отечественной войны. Писателя, получившего образование в Германии, всегда волновали вопросы русско-германских отношений и проблемы особенности национальных характеров, что нашло отражение в записях и военной публицистике. Несмотря на его пребывание непосредственно в фронтовой полосе, писателя интересовали не батальные сцены, а психология человека, как военного, так и мирного жителя, оказавшегося в прифронтовой полосе, реакция на происходящее разных этнических и социальных групп.

Ключевые слова: Михаил Пришвин, дневник, Первая мировая война, Великая Отечественная война, русская литература XX в., военная очеркистика.

Svyatoslavsky Alexey Vladimirovich,
Dr. of Science (Culturology)
Russian Christian Academy for Humanities named
after Fyodor Dostoevsky (St-Petersburg)
Email: platoacademia@yandex.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4909-8323>

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-01007, <https://rscf.ru/project/23-18-01007/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

World War I in the life and work of M. Prishvin

In the history of M. Prishvin's approach to the First World War, several periods can be discerned, captured in materials and publications: the writer's reaction to the very fact of the outbreak of the war, followed by reflection on its prospects and consequences for Russia; diary entries from the front-line period (Prishvin was at the front twice: in the fall of 1914 and in the winter-spring of 1915); war essays, published and later collected in a single cycle "Blind Golgotha"; comprehension of military events after returning from the front, including the period of the beginning of the revolution; An appeal to the theme of the First World War on the eve of the Great Patriotic War. The writer, educated in Germany, was always preoccupied with issues of Russian-German relations and the unique characteristics of national characters, which were reflected in his notes and wartime journalism. Despite his time at the front, he was interested not in battle scenes but in the psychology of individuals, both soldiers and civilians, who found themselves in the frontline, and the reactions of different ethnic and social groups to the events.

Keywords: Mikhail Prishvin, diary, First World War, Great Patriotic War, 20th-century Russian literature, military essay.

При обращении к теме Пришвин и Первая мировая война, как всегда в случае с творчеством этого писателя, большую пользу оказывает его знаменитый дневник. Проблема отношений России и Германии, сходства-несходства национальных характеров является актуальной для него, во многом по причине его близкого знакомства с Германией в годы обучения в Лейпцигском и Йенском университетах и увлечения немецкой культурой. Эта тема будет проходить через дневник до конца дней писателя, тем более что впереди грядет новая, Великая Отечественная война.

Особенность военного дневника и военной очеркистики Пришвина в том, что «предметом внимания писателя были не военные события сами по себе. Война становится своеобразной призмой, сквозь которую воспринимается теперь образ России: возникает оппозиция Россия—Германия, встает вопрос о русском национальном характере, об исторической судьбе России. Война в дневнике существует как событие, нарушившее историческое течение времени и обнажившее в жизни ее архаическое, реликтовое основание» [1, с. 401].

Пришвин, как многие в России, несмотря на былые увлечения своей революционной юности, опасается больших социальных катаклизмов, в том числе войны как источника социального взрыва, грозящего самой российской цивилизации [10]. Отсюда его убежденность в первые месяцы войны в необходимости победы и вера в эту победу.

Помимо наблюдений над реакцией окружающих его людей на сам факт начала войны (Пришвин в это время находится в Петербурге), дневник писателя содержит описания военных событий во время его выездов на фронт в качестве корреспондента газет «Русские ведомости» и «Речь». Он побывал на фронте и в прифронтовой полосе в периоды с 24 сентября по 18 октября 1914 года и с 15 февраля по 15 марта 1915 года, опубликовав ряд очерков по итогам этих поездок. Несмотря на упоминания о стрельбе

и близких взрывах, дневник и очерки не выглядят традиционной батальной прозой, корреспондента интересует не ход сражения, а реакция на происходящее участников и жителей прифронтовой полосы, которая постоянно перемещается вслед за линией фронта в регионе, представляющем собою конгломерат разных культур и религий.

Размышляя о задачах корреспондента на войне, Пришвин записывает в дневнике: «Нужно иметь в виду, что 1) *нужно* обществу и что его 2) *интересует*; нужно поддержать веру в народ – анализировать общество само умеет — что интересует (картина, будто сами видят, приближение позиций к тылу, например, интересная тема: сравнить, чего хочет солдат от общества и что общество хочет от солдата)» [5, с. 123; курсив оригинала. — A. C.].

По итогам первой поездки Пришвин публикует цикл корреспонденций «На братскую линию» в газете «Речь». «Особенность этих публикаций, — отмечает О. И. Шапкина, — состоит в реалистичном описании событий, когда читатель становится свидетелем происходящего. Особую убедительность этим корреспонденциям придают многочисленные детали и реальные действующие лица» [9, с. 697].

Впоследствии, уже в собрании сочинений, по следам фронтовых записок Пришвин формирует целостный цикл очерков, посвященных войне, символически назвав его «Слепая Голгофа», что может вызвать ряд ассоциаций, при этом очевидно присутствие мысли о жертвенном конце, который представляется до поры слепо. Слово Голгофа впервые упоминается в символическом значении в дневнике писателя 1920 года: «Интеллигенции осталось только осознать всю глубину своего страдания и взять на себя инициативу Голгофы» [6, с. 76]. Однако у Пришвина проходит и мысль о том, что эта Голгофа означает не гибель России, а завершение очередной цивилизационной парадигмы, за которым начало новой эпохи. В дневнике августа 1914 года находим запись: «Должно родиться что-то новое: последняя война» [5, с. 86], которую возможно воспринимать и буквально и апокалиптически как последний бой с силой зла на земле.

Описание прихода в Петербург вести о войне представлено в сказочно-метафорическом ключе: «При свете молнии вижу на улице всадника и вокруг него, как силой молнии, пораженных людей. Это как сила молнии, поражающее слово было самое ужасное в мире: — Война!» [7, с. 599]. В связи с отъездом мобилизованных возникает метафорический образ «телеги смерти».

«С утра до вечера и в сумерках северной ночи, среди всеобщего молчания, катится телега смерти. /.../ Раз в телеге смерти я увидел одного мужика с семью малыми детьми — Куда? — спросил я.

— Все туда же, — отвечает, — иду себя и вас защищать.

Больно уколол: “и вас”.

— А дети?

— И дети туда же. Померла жена, не с кем оставить, везу и детей.

Больно укололо “и вас защищать”.
И вот я сам на телеге».
[7, с. 599; курсив оригинала. — А. С.].

В дневнике находим записи бесед с самыми разными людьми о происходящих событиях, что позволяет писателю осуществить своего рода социологический подход к отражению военной темы. Находясь на территории Галичины, Закарпатья, Литвы, Западной Белоруссии и северо-восточной Польши, где имело место «авилонское» смешение культур и разнообразие религий (униатство, католицизм, протестантизм, православие), Пришвин за летописью событий просматривает принципиально важные проблемы межкультурных напряжений, по большому счету, ставших одним из факторов грядущей мировой войны, в которую прежде всего оказались вовлечены три империи — Российская (в которую входит Польша), Германская и Австро-Венгерская.

Пришвину интересно понять настроение коренного населения Галиции, и выясняется, что поставленные перед фактом немецкого завоевания галичане, в большинстве своем, склоняются к России. Среди записей от 20 октября 1914 г. читаем: «Рассказ М., что в П. были дети повешены вокруг церкви, в Жолкове расстреляны и пр. Бобринский сам освободил 75-летнюю старуху из тюрьмы и женщину с ребенком и проч., что за паломничество в Почаевскую Лавру сажали в тюрьму. Из всего этого складывается, что действительно есть в народе Галиции какая-то вера в Россию», — заключает Пришвин [5, с. 95].

Однако не все однозначно, примечательны записи от 6 октября 1914 г.: «В Львове сейчас большой недостаток в мелких деньгах. При хорошем высоком русском барометре нам очень вежливо с улыбкой дадут сдачи русскими или австрийскими деньгами, или пошлют в соседний магазин, или даже просто попросят занять денег после. При плохом барометре такой прямо невероятно дерзкий ответ: попросите деньги у вашего правительства» [5, с. 100].

Автор дневника вспоминает доходившие до столицы сообщения о жертвах немецко-австрийского давления на мирных граждан и приходит к выводу, что вполне почувствовать ужасы репрессий можно только непосредственно возле линии фронта. «Теперь, — записывает он, — когда я попал в Галицию, совсем другое, я почувствовал и увидел в пластических образах времена инквизиции. Это не корреспонденции, это не рассказы людей, потерпевших от германского плена, это люди, потерявшее все... из-за чего? Да, вот как это было. Австрийское войско занимает, например, какое-нибудь поле, принадлежащее русинскому священнику. Понятно, что батюшка беспокоится, идет посмотреть “як так”. Приходит на место, его арестуют, находят в кармане письмо от сына с войны, в письме описывается местность. И этого довольно: священника вешают. Теперь села опустошены. Священники сплошь арестованы и отправлены в глубину страны. И вот

почему в некоторых местах села переходят в православие: в Галиции народ еще более, гораздо более религиозен, чем в России, при таком великом несчастью потребность эта еще больше растет, обряды православия мало разнятся от униатских — и вот почему переходят» [5, с. 101].

При этом наибольшие тяготы претерпевали под властью Австро-Венгерской империи русины, исторически тяготеющие к России. Из разговора с пострадавшим от австрийцев и женатом на москвичке профессором Пришвин узнает, что тот еще за два до войны почувствовал ее: «прекратились самые необходимые и обычные предметы. Потом началось все больше и больше бродячих собак. Сараевское убийство вдруг представилось как дело русских. Потом сыск вины и, наконец, та ложь правительства, которая держалась в том обществе вплоть до вступления русских в Львов. Очень любопытно представить все это в живой полной действительности» [5, с. 105].

Обращает на себя внимание традиционное для Пришвина размышление о германском характере, в данном случае проявляющемся в гонениях на мирное население: «Всякий хорошо знает, что вещи не любят, когда их расставливают в известном задуманном порядке, потому что их естественное состояние — хаос. Идея немцев — расстановка вещей, и с этой точки зрения я спрашиваю себя всегда, когда слышу о каком-нибудь “германском зверстве”: “Стало быть, так нужно для порядка”. Обыкновенно это категория зверства, или выходящее из идеи высшей целесообразности» [5, с. 142].

По пути на фронт Пришвин становится свидетелем разговора едущих воевать офицеров и солдата, уже отличившегося на фронте. Солдат убеждает окружающих, что «немец не может против нас, ну, просто не может и не может». На вопрос писателя, не связано ли это с безынициативностью немецкого солдата, во многом задавленного «государственностью» и массовой муштровкой, солдат отвечает отрицательно, отметив превосходные качества германского солдата, однако совершенно не способен объяснить конкретно причину превосходства русских, всегда готовых подняться по команде «В штыки». Таким образом, рождается мысль о вере, уверенности в победе — как движителе победы. «И опять мы снова начинаем расспрашивать разведчика, — продолжается запись, — и опять он приходил к чему-то неизвестному, и такая у него вера в эту неизвестную величину, что и мы все заражаемся, и прежняя вся критика кажется малодушием тыла, и я знаю по опыту: это настроение мало-помалу по мере приближения к позициям будет все нарастать и в конце концов получится та пропасть между (1 нрзб.) братской линией и всем анализирующими тылом» [5, с. 129].

По результатам общения с местным населением 11 февраля 1915 г. сделана запись: «Необходимо поддержать народный дух, потому что необходима победа над немцами» [5, с. 126]. Это реакция на разговор

со стариком, сетующим, что войска «топчутся» на одном месте, дескать вот бы государь взял и «двинул». Попав на фронт, корреспондент Пришвин становится свидетелем того, что уже осенью 1914-го не все стремятся воевать: все больше случаев самострела, увидеть который по характеру нанесенногоувечья помогает ему знакомый военный хирург.

Дневник февраля 1915 года фиксирует изменения в атмосфере военного Петрограда, вера многих в победу еще не иссякла, но уже «как будто все постарели — такое мое общее впечатление. В людях что-то великостное», — записывает вернувшийся в столицу писатель [5, с. 128]. Затянувшийся ход войны таков, что на исходе 1915 года в дневнике появляются пессимистические ноты: «Не понимаю, какая это может быть новая счастливая жизнь после войны, если после нее освободится на волю такое огромное количество зла. Зло — это рассыпанные звеня оборванной цепи творчества. А сколько во время войны рассыпалось творческих жизней!» [5, с. 212].

Вторая поездка на фронт получила отражение в микроцикле «Августовские леса», впоследствии опубликовавшимся Пришвиным в составе «Слепой Голгофы» и связанном с событиями, происходившими в лесах бывшего польского Августовского воеводства. Здесь описаны драматические эпизоды пребывания в фронтовом лесу, где почти слепо перемещались разрозненные отряды немцев и русских и возникала угроза попадания под огонь или в плен.

Очень важным для писателя является наблюдение за тем, как меняется психология человека на войне, как проявляется его сущность. «Эти моменты открытия в человеке иного, — пишет Е. Ю. Константинова, — прорисованные и наблюдаемые в каждом эпизоде — объединяются образом снятия завесы, войны как пробуждения, проявления пространства нового мира. На войне человек открывает неожиданные для себя грани характера: маленький прaporщик, бывший в мирной жизни бухгалтером, совершает свой маленький подвиг человечности, отказавшись, несмотря на выговор начальства, застрелить лошадь, потому что она посмотрела на него человечими глазами <...> Невидимые связи объединяют людей, побывавших на войне, испытавших опыт встречи лицом к лицу с неприятелем» [3, с. 855].

Осень 1915 года позволяет подвести определенные итоги, 1 ноября Пришвин записывает: «Когда-то в начале войны казалось мне, что победа наша над врагом будет в то же время победой над самим собой, что мы организуемся. А вот уже прошло 15 месяцев войны, и Россия вся такая же: мечтает и утопает в грязи. Приходит в голову, что война может и не окончиться в ближайшие годы, что она станет делом привычным. Уже и теперь, после 15 месяцев, заметно привыкание к ней, заметно по обычайству: притупился и стал воровать. Психологически ничего нового и нет: обычай всегда жил на неизвестное. Интересно бы собрать

различные объяснения войны: из-за чего война? Война за империю, война промышленности? и т. д. Нам, в силу нашего общественного положения удаленным от познания этих причин, война должна казаться войною добра и зла. Вообще обыватели должны бы выставить с своей стороны какую-нибудь психологическую причину войны и представить нам так, что в мировом котле варится какое-то вечное, но утерянное людьми начало» [5, с. 212].

Во время второй поездки на фронт Пришвин сталкивается с сотрудником лазарета, ветераном Цусимы, который в разговорах о необходимости разбить немцев при отсутствии зримых успехов, задается вопросом, а зачем их нужно разбить? «Потом мы долго не виделись, и когда я снова встретился <...>, и он... и я, когда разговаривали о всем, (2 нрзб.), спросил: — И все-таки немцев нужно разбить? Он долго думал и вдруг спросил меня: — А зачем их нужно разбить?» [5, с. 228]. Немаловажный эпизод, провидчески указывающий на будущий Брестский мир по итогам войны, не принесшей победы ни России, ни Германии.

Согласимся с О. А. Ковыршиной, писавшей о том, что «русский писатель не рисовал войну с героической стороны, ему была близка точка зрения воюющего крестьянина, для которого война — бессмысленное кровопролитие. Не случайно проправительственные “Русские ведомости”, “Речь”, “Биржевик” с осени 1915 года отказались сотрудничать с корреспондентом и печатать его очерки. Максим Горький, видя в Пришвине своего единомышленника, пытался привлечь его к сотрудничеству в антивоенном журнале “Летопись”, где печатались В. Брюсов, В. Маяковский, С. Есенин, выражая критическое отношение к происходящему в России и на фронте» [2, с. 123].

Вина за нарастающий хаос возлагается Михаилом Пришвиным на интеллигенцию, 22 сентября 1916 года он записывает: «Солдаты разбегаются. Больше миллиона в бегах. Интеллигенция подняла народ на немца, подъем был в интеллигенции, а не в народе. Интеллигенция воображает себе Русь по французскому герою, а Русь творит чертовщину» [5, с. 235]. При этом «чертовщина» скоро перерастет в большую революцию, а сам Пришвин окажется близок к эсерам.

Политическая ситуация весны 1917 года осмысляется Пришвиным следующим образом: «По городам и селам успех имеет только проповедь захвата внутри страны и вместе с тем отказ от захвата чужих земель. — Первое дает народу землю, второе дает мир и возвращение работников. Все это очень понятно: в начале войны народ представлял себе врага-немца вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа — внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают всех собственников земли. Но земля неразрывна с капиталом. Свергают капиталистов — внутренних немцев. С ними вместе отметается собственная (1 нрзб.) организованных

способностей: буржуазный интеллигент. После всеобщего разрушения собственности наступит новая эпоха: разрушители поймут и увидят своими глазами, что внутренний немец находится лично в каждом из нас. Тогда наступит какой-то последний акт трагедии; и некий раб хитрый вошел в жилище господина своего и умертвил его, и ел, что ест господин, и спал на постели его (2 нрзб.), но не получил он сытости от стола господина своего и отдых на постели его» [5, с. 294].

Комментаторы ранних дневников Я. З. Гришина и В. Ю. Гришин отмечали еще одну немаловажную деталь, касающуюся нашей проблематики. «Очень важно отметить, — писали они, — что в творческой судьбе Пришвина война сыграла особенную роль. На войне к нему приходит постижение природы как части космоса, то есть мира упорядоченного, осмысленного человеком <...> На войне он обнаруживает связь природы с творческой природой человека и поднимает вопрос о соразмерности природного и человеческого ритма, о природе сопротивляющей, сочувствующей или “равнодушной”» [1, с. 402].

Отголосок событий Первой мировой войны в связи с темой природы провидческим образом прозвучал в творчестве Пришвина буквально накануне Великой Отечественной, когда в апреле 1941 г. писатель приступает к работе над рассказом «Голубая стрекоза», в основу сюжета которого был положен эпизод из его собственной военной биографии 1914 года. Тяжело раненый боец просит отнести его к ручью. Рассказчик сначала порывается бежать за водой, но оказывается, что тот хочет именно к ручью — чтобы прикоснуться к природе. Лежа возле ручья, боец слушает журчание воды и наблюдает за летающей над ним стрекозой, что дает облегчение страданию, но потом теряет стрекозу из виду и огорчается. Рассказчик убеждает его, что стрекоза продолжает летать, но раненый не видит ее. «Я испугался, — продолжает рассказчик. — Мне случилось раз видеть умирающего, который перед смертью вдруг потерял зрение, а с нами говорил еще вполне разумно. Не так ли и тут: глаза его умерли раньше. Но я сам посмотрел на то место, где летала стрекоза, и ничего не увидел. Больной понял, что я его обманул, огорчился моим невниманием и молча закрыл глаза. Мне стало больно, и вдруг я увидел в чистой воде отражение летающей стрекозы. Мы не могли заметить ее на фоне темнеющего леса, но вода — эти глаза земли — остаются светлыми, когда и стемнеет: эти глаза как будто видят во тьме. — Летает, летает! — воскликнул я так решительно, так радостно, что больной сразу открыл глаза. И я ему показал отражение. И он улыбнулся» [4, с. 266]. Смысл рассказа в том, что прикосновение к природе помогло врачам спасти раненого, хотя в реальности тот боец умер. Опубликовать рассказ Пришвину удалось в конце 1941 г. под характерным названием «Моему другу на фронт».

Подводя итог, отметим внимание Пришвина к психологии воина и жителя прифронтовой полосы, к особенностям этнопсихологии

и проявлениям межэтнических и межнациональных отношений. Творческий склад писателя предполагает рефлексивный подход к увиденному, и целый ряд военных картин и эпизодов фронтовой жизни стали предметом осмыслиения и в дневниках послевоенных лет [ср.: 10]. Изменение отношения людей на фронте и в тылу к войне без побед становится предметом особого беспокойства автора дневника, при этом нельзя пройти мимо мысли о том, что военные тяготы могут заставить измениться к лучшему общее моральное состояние масс, которые должны ощутить свою ответственность за собственную судьбу и за судьбы жителей тех западных регионов, которые стали жертвами притеснений со стороны австро-венгерской и германской власти. Пришвин относится к разряду военных очерклистов, которые видят войну не в героическом ореоле, но как тяжелый ратный труд. В целом, литературное наследие Пришвина помогает глубже вникнуть в истоки и последствия Первой мировой войны.

Литература

1. Гришина Я. З., Гришин В. Ю. Комментарии // Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917. М.: Моск. рабочий, 1991. С. 400—403.
2. Ковыришина О. А. Тема Первой мировой войны в творчестве М. Пришвина и А. Барбюса // Михаил Пришвин и XXI век: мат-лы Всероссийской научной конференции, посвящ. 140-летию со дня рождения писателя. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. С. 118—124.
3. Константинова (Кнорре) Е. Ю. Первая мировая война в дневниках М. М. Пришвина 1914—1915 гг. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 851—856.
4. Пришвин М. М. Голубая стрекоза // Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 5. С. 264—266.
5. Пришвин М. М. Дневники. 1914—1917 / предисл. В. Д. Пришвиной; подг. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; comment. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. М.: Моск. рабочий, 1991. 432 с.
6. Пришвин М. М. Дневники. Книга третья. 1920—1922 гг. / подг. текста Л. А. Рязановой; comment. Я. З. Гришиной, В. Ю. Гришина. М.: Московский рабочий, 1995. 334 с.
7. Пришвин М. М. Слепая Голгофа // Пришвин М. М. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. С. 598—636.
8. Святославский А. В. М. М. Пришвин о Великой Отечественной войне: по дневникам писателя // Соцреалистический канон. Опыт переоценки стереотипов. Сб. науч. статей XXV Свято-Троицких ежегодных межд. академ. научных чтений в Санкт-Петербурге. 27—31 мая 2025 г. / отв. ред. Д. К. Богатырев, сост. и гл. ред. О. В. Богданова. СПб.: РХГА им. Ф. М. Достоевского, 2025. С. 173—180.

9. Шапкина О. И. О сотрудничестве М. М. Пришвина с газетой «Речь» // Литературное наследие Михаила Пришвина: контекст отечественной и мировой культуры / ред.-сост. Е. Ю. Кнорре, А. Г. Гачева. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 691–703.

10. Цветова Н. С., Богданова О. В. «Эпох скрещенье...» Русская проза 1960-х — 2020-х годов. СПб.: Алетейя, 2023. 374 с.